

Глава 1: Начало прекрасной дружбы Утро было свежим, тихим и залитым нежным золотым светом – таким, каким и должно быть любое уважающее себя августовское утро. Август был месяцем, который можно было назвать только сладким: то, как солнце ласково целовало землю, его сияние украшало все, на что оно бросало взгляд даже в самые пасмурные дни, было поистине противоположностью всему горькому и темному в мире. Именно эта сладость отличала его от других месяцев. Но август был не только сладким – он был еще и полезным. Семь часов часто были недобрым часом, еще плотно окутанным ночной прохладой. С октября по март семь часов вообще нельзя было назвать утром; это был холодный час, окутанный серым. Апрель и сентябрь были не намного лучше. Однако август все изменил. Августовское утро было просто приятным, и именно поэтому прятаться во дворе было более чем приемлемым утренним занятием. В самом деле, он не мог не размышлять, сидеть под старым дубом в семь часов, когда августовское солнце грело его лицо, было не так уж и плохо – достойное начало дня. Было тихо. Ему это понравилось. Именно в такие моменты он мог по-настоящему чувствовать. Именно в такие моменты его разум мог творить чудеса, собирая данные и обрабатывая стимулы с исключительным вниманием к деталям. Да, семь часов было идеальным временем, чтобы что-то заметить. Как трава. В том, как влажные перистые усики щекотали его ноги, было уникальное и возбуждающее качество, дополненное легким ветерком, пронесшимся по двору, взъерошивающим его аккуратные волосы цвета воронова крыла так, что это было бы восхитительно. Но это не так. В нем не было ничего очаровательного; даже спокойствие августовского утра не позволяло ему забыть этого. И любой, кто видел его глаза, несомненно, с этим согласится; они были холодными и темными, и их контрастировали с его мягкими, милыми, августовскими чертами лица. Да, все считали его идеальным ангелом, пока не посмотрели ему в глаза. Тогда они знали. Он не был августовским ребенком — он родился в декабре. – Том! Это был ужасный визг, заставивший его сердито зашипеть и стиснуть зубы. Миссис Коул, без сомнения, слышала эту историю – Стаббс, конечно же, снова пришел к ней, скуля и стона, как неумелый ребенок, которым он и был. Честно говоря, Тома нельзя было винить в его действиях; Билли Стаббс, со всеми своими ехидными комментариями, легкомысленными жестами и скрипучим голосом, он заслужил это и многое, многое другое. В этом мальчике было что-то просто ужасное. Пауки согласились с ним – пауки, которые послушно промаршировали по его брюкам не более 10 минут назад, без сомнения, оставив его с ужасными укусами по всему телу. Конечно, у мальчика Стаббса не было никаких доказательств своей причастности, но они ему и не были нужны. Все знали о странностях Тома, а именно о его сверхъестественной способности дрессировать животных, не пошевелив и пальцем. Презрительная ухмылка скользнула по его лицу. На этот раз Стаббс отделался легко. Глупый мальчик получит то, что ему предстояло. То есть, когда было подходящее время. Миссис Коул всегда говорила не играть с его едой – и, естественно, именно это он и планировал сделать. – Вот ты где! Он резко взглянул вверх, нахмурившись. – Не давай мне ничего из этого, непослушный мальчик! Я слышал, что ты сделал – я слышал – Он заглушил сердитую ругань женщины, мрачные мысли нахлынули в его голову. Он покажет им. Он покажет им всем. С Томом Риддлом нельзя было связываться. Кроме... Он запнулся. Это было неправильно. Том Риддл? Это не правильно. Почему он так разозлился? Бедный Билли Стаббс, мальчик не заслужил всех этих укусов пауков, во всяком случае. Его разум пошатнулся от шока – он не это имел в виду. Он ничего из этого не имел в виду! Он не хотел никому причинять вред. Он не хотел беспокоить. Но как только он обернулся, чтобы объявить о своем откровении, его не встретила ничего, кроме тьмы. Холодная, пустая чернота, которая, к счастью, длилась всего секунду. – МАЛЬЧИК! Три резких удара заставили его вылезти из кровати, лихорадочно пытаться разглядеть свою печально знаменитую выдающуюся голову, прежде чем натянуть разбитые очки и щелкнуть защелкой на дверце шкафа. Его встретил не праведный гнев миссис Коул, а столь же устрашающий взгляд Петунии Дурсль. – Сейчас семь тридцать! Завтрак уже должен быть на столе, ленивый ребенок! – Да, тетя Петунья, – вежливо ответил он, заслужив себе легкую пощечину. – Я не потерплю твоей щеки, мальчик. Он сдержал резкую реплику – потому

что он был не таким. Он не был зол, не был мстительным; он был слабым, легкой мишенью – вот кем был Гарри Поттер. Иногда по утрам было трудно вспомнить, кто он такой. Бывали моменты, когда он все еще был погружен в сонную дымку, и ему приходилось напоминать себе, что он не Том Риддл. И он не хотел им быть. Том Риддл не был хорошим человеком. Гарри знал это, но действительно не понимал, почему ему продолжает сниться этот невоспитанный мальчик. Было немного странно, немного жутковато, как каждую ночь его сознание переносилось в жизнь другого мальчика, так похожего на него в чем-то, но ужасно непохожего в других. И все же он не возражал против снов, размышлял он, разбивая на сковороду несколько яиц. На самом деле это было преуменьшение. На самом деле, он не променял бы их ни на что. Когда он был Томом, он никогда не боялся, никогда не был неуверен в себе. Когда над ним издевались, он сопротивлялся. Когда с ним поступили несправедливо, он в свою очередь обидел. Когда его называли уродом, он носил это как знак почета. Это было освобождение, отсутствие чувства вины, отсутствие чувства никчемности и безнадежности, которые, казалось, преследовали его повсюду и всегда. Нет, Гарри Поттер не был Томом Риддлом, но иногда ему хотелось им быть. Иногда было трудно убедить себя, что он никогда не хотел стать таким жестоким человеком. – Ничего не сжигай! Вернон будет в ярости. – Это был факт, а не предупреждение. – Да, тетя Петунья. Том бы не сказал ничего подобного. Никогда. Вот как он понял, что больше не спит. Да, он определенно был Гарри Поттером. – А потом я сказал Саммерсу, что если он не уйдет с дороги, я его очень сильно пну. – И ты это сделал, большой Ди? – Он тоже плакал, как маленький ребенок! – крикнул его пухлый кузен, а его столь же неприятные друзья завывали от смеха. Гарри пристально смотрел на них с качелей, его история совершенно не впечатлила. Однако он быстро отвернулся, надеясь, что его не заметили. Нет такой удачи. – Эй, урод! Тебе есть что мне сказать? Он немного съёжился и почти смиренно покачал головой, но вместо этого замер. Были времена, когда Гарри Поттер был очень практичным мальчиком – на самом деле, осмелюсь сказать, он обычно был довольно умным. Он знал, когда следует опустить голову. Не разговаривай, если к тебе не обращаются, смотри в землю, сохраняй выражение лица – он знал все правила; он написал их сам. Но были времена, когда его охватывало это странное чувство – эта жажда чего-то большего, чего-то лучшего. Когда оно охватило его, ему нравилось думать об этом как о храбрости. – Вообще-то да. – Ах, да? И что это, урод? Он глубоко вздохнул. – Я думаю, вы все глупые и слабые. Мне бы хотелось никогда не слышать твоих уродливых голосов, и я думаю, что мир стал бы лучше, если бы никому больше не пришлось их слышать! Трое мальчиков постарше на мгновение устали на него. Но лишь на мгновение, прежде чем их охватила ярость. – Возьмите его! Именно тогда чувства покинули его, и глаза Гарри расширились от страха, прежде чем он развернулся и помчался прочь с детской площадки. Дадли и его друзья преследовали его по пятам. Действительно храбрость. Больше похоже на глупость. Так начался спорт, известный как «Охота на Гарри». Поначалу они его так и не поймали – он был намного быстрее их. К сожалению, Дадли не был таким глупым, как его недалекие друзья, и довольно быстро обнаружил, что есть и другие способы поймать Гарри. В конце концов, после того как входная дверь дома номер 4 по Тисовой улице была заперта и опечатана, бежать было некуда. – Урод украл мой обед! – Он разорвал картинку, которую я для тебя нарисовал, мамочка! К тому времени, когда они пошли в первый класс, Дадли открыл для себя тонкое искусство шантажа. Именно тогда Гарри Хантинг стал сфальсифицированной игрой; когда Гарри и Дадли достигли негласного соглашения, что, если Гарри не сдастся к концу дня, дядя Вернон и тетя Петунья услышат о нем всю мерзкую ложь. Гарри просто не удалось выиграть. Он знал, что это всего лишь игра. Но проигрывать все равно было больно, как в прямом, так и в переносном смысле. Разве игры не должны были приносить удовольствие? – Ты должен быть счастлив, урод, с тобой больше никто играть не будет. Это была правда. Дадли позаботился о том, чтобы все знали, что с ним что-то не так. Что это было, Гарри не знал. На самом деле, Дадли тоже. Конечно, вокруг Гарри часто происходили странные вещи. Но это была не его вина, или, по крайней мере, он так не думал. Ну и что? Иногда вещи меняют цвет, двигаются, взрываются...

в этом нет ничего необычного, думал он про себя. Это было естественное отрицание, и оно продолжалось до 2 марта 1987 года. Все началось как обычный день. - Чему ты улыбаешься, мальчик? - прорычал Вернон позади него. Он вытер ухмылку со своего лица, но этого было недостаточно, чтобы испортить ему настроение. Прошлой ночью ему снова приснился Том - ему приснился тот день, когда Том встретил своего первого друга. Вчера вечером снова было лето; это было очевидно по тому, как влажный, теплый воздух прилипал к его коже, как мокрое одеяло. Солнце весело танцевало в небе, заслоняемое лишь несколькими клочьями облаков, а приятный ветерок танцевал в листьях и траве, неся с собой сладкие звуки певчих птиц и смеха детей. Том ненавидел лето. Утро было хорошим, но остальное было ерундой. Все всегда были такими счастливыми, такими веселыми, такими громкими. Честно говоря, могли ли они услышать себя? Радостно кричащие, не обращая внимания на мир, радостно топчущие шаги по двору - отвратительно, многие из них. Он не ревновал. Конечно, нет. Ему не нужны были ни друзья, ни развлечения, ни игры. Он не был каким-то глупым ребенком, которого нужно нянчиться и отвлекать от мирских забот. Он знал лучше.

<http://tl.rulate.ru/book/106218/3831258>